

Brandner, Aleš

[Дегтярев, Владимир Иванович. Диахроническая грамматика русского языка: древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении]

Linguistica Brunensia. 2010, vol. 58, iss. 1-2, pp. 369-372

ISBN 978-80-210-5250-5

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/115075>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

праславянского языка из указанной цепи языков представляет собой три глобальных процесса, а именно формирование, генерализацию и распад группофоном. Внутри этих глобальных процессов прошло много более частных процессов. Все это нашло отражение в настоящем пособии. Собственно, в нем показано, как работает теория группофоном. Изложения в нем ведутся так, чтобы они не принимались на веру, а принимались потому, что они обоснованы. На наш взгляд, в пособии могло бы быть больше иллюстративных примеров, чтобы учащиеся лучше поняли отдельные явления проходимого материала.

Алеш Бранднер

Дегтярев, В. И.: Дiachроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Научное издание. Ростов-на-Дону, НМЦ «Логос», 2007. – 240 с. ISBN 5-7051-0217-8

Имена собирательные в современном русском языке, как и в остальных славянских языках, образуют лексико-грамматический класс имен существительных, объединяемых общим характером предметно-логического содержания – обобщенно-качественными представлениями множеств однородных в каком-либо отношении или одноименных единиц. Исторически – это лексические средства выражения множественности, генетически предшествовавшие грамматической категории числа. К именам собирательным можно отнести только то имя существительное, которое обладает грамматически выраженным значением собирательности. Имена собирательные не изменяются по числам. В др.-русс. языке они составляли лексико-грамматический класс имен существительных словообразовательного характера.

В «Введении» (с. 3–23) автор настоящей работы определяет актуальность ее темы, разработанной на историческом и сравнительном материале др.-русс. языка. Категория имен собирательных в др.-русс. языке к моменту возникновения славянской письменности находилась в состоянии уже весьма близком современному. В истории русск. языка данной проблематики касались классики русск. языкознания (особенно: М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, Г. Павский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев) в своих грамматических учениях, да и в учебных пособиях по исторической грамматике русск. языка ей уделяется какое-то внимание. По словам автора, в результате в них собран основной фактический материал, но результаты специальных исследований несколько не повлияли на изложение данной темы ни в вузовских учебниках, ни на практике издания и комментирования древних памятников книжности, ни при составлении словарей др.-русс. и ст.-русс. языков. История имен собирательных в них оторвана от ее начала (истоков), от древнейших праязыковых состояний. Исследование в предлагаемой работе основывается на письменных источниках др.-русс. и других славянских языков, сравнительно-исторических и типологических данных. Исследуются хронологические срезы от реконструируемого праслав. состояния до расчленения др.-русс. языка. Однако рамки исследования значительно расширены, поскольку исторические процессы развития категории собирательности прослеживаются в письменности до конца XVII в.

Генетические истоки собирательности в языке и в мышлении разбираются в первой главе («Собирательность в семантической структуре грамматической категории числа», с. 24–56). Собирательность облекается в формы выражения ед. и множ. числа. Только исторически можно объяснить, почему в том или ином конкретном языке предпочтительной оказывается форма ед., или множ. числа. Современный характер категории числа сформировался на индоевропейской основе вместе с оформлением флексии, когда флексия была приспособлена для выражения количественных отношений наряду с выражением падежных

отношений и родовых значений. До флексии количественные отношения выражались лексически или с помощью словообразовательных суффиксов; слово в своей основной форме совмещало значение единичности и совокупной множественности. Праслав. язык представляет собой давно сложившийся флективный строй. В настоящей главе реконструируются отдельные славянские примеры индоевропейского происхождения, представляющие т. наз. общее число (количественность выражалась словом, совмещавшим в общей форме значения единичности и множественности). Общее число в праслав. языке уже не функционировало. Его формы были вытеснены оппозицией форм ед. и множ. числа, в которую на определенном этапе включилось и двойств. число. В праиндоевропейском языке продуктивным суффиксом собирательного значения в пассивном (т. е. неодушевленном) классе имен был основообразующий формант *-a, трансформированный в истории индоевропейских языков в окончание именительного и винительного падежей среднего рода. Имена собирательные на -a функционировали на ранней стадии праслав. языка. Автором здесь представлен фактический материал славянских, балтийских, как ближайших к ним, и других индоевропейских языков, в которых есть подлинные индоевропеизмы или индоевропейские архаизмы. Рефлексы встречаются в славянских языках. Они стали именами *pluralia tantum* (ср.: *кола, уста, дръва*), другие лексикализировались в формах женского рода (ср.: *зима, укра, слава, вода, тьма*). Они отражали такое состояние праслав. языка, когда только формировалась грамматическая категория числа и современная категория рода. Поэтому одни из них оказались в среднем роде, другие в женском, соответственно – множественного или единственного числа.

Во второй главе анализируются способы и средства выражения собирательных значений в др.-русск. языке («*Способы и средства выражения собирательных значений в древнерусском языке*», с. 57–128). Функционировавшая в др.-русск. языке система типов имен собирательных сложилась на праслав. основе. Имена собирательные представляли наиболее архаическое средство выражения множественности. Одним из диагностических признаков было то, что они сочетались с собирательными числительными в количественных значениях. Праслав. адъективный субстантивированный формант ед. числа среднего рода -*ие* (тип *камение*) абстрагировал собственно собирательное значение совокупности неодушевленных предметов; он оказался наиболее продуктивным в выражении понятий среднего рода во всех славянских языках, особенно в др.-русск. языке. В употреблении он засвидетельствован в ст.-русск. период (XV–XVII вв.) в деловом и бытовом общении, засвидетельствован в современных русских говорах и в стилистически сниженной речи (ср. др.-русск.: *яблоніе, листьє, зелиє, зереньє*). Автор счел полезным провести реконструкцию древнейшего праслав. пласта имен собирательных этого типа, по возможности более полно отражающего исходное состояние (см. с. 63–77).

Праслав. формант **ьja* был, по-видимому, еще на индоевропейской основе в составе праслав. диалекта осмыслен как суффиговая флексия ед. числа женского рода (ср.: **bratrьja*). Предполагается, что такие образования восходят к субстантивированным прилагательным. Указанные словообразовательные модели собирательности были противопоставлены по характеру выражаемых множеств: первая использовалась для обозначения множества неодушевленных предметов (ср.: *каменья, листьа, троупья*), вторая – для обозначения множества лиц мужского пола (ср.: *братия > братья, дружья > друзья, князья > князья*). Первое значение опирается на формы среднего рода, а второе – на формы женского.

Индоевропейский основообразующий формант *-i в праславянском и в самостоятельных древних славянских языках применялся для субстантивации вербальных и адъективных основ; с ними генетически связаны инфинитивы (ср.: *алькати // лакати, дати, жити* × *дать* «даяние», *зорь* «разорение», *зыбь* «трясина»). После падения редуцированных в др.-русск. речи оформилась бессуффиксная модель имен собирательных женского рода с мягким согласным исходом от вербальных и адъективных основ в значениях личных (ср.: *погань* «языч-

ники», *бъжь* «беженцы») и предметных (ср.: *зелень* «зеленое, незрелое», *волось* «волосы»). Особую группу составляют др.-русск. этнические наименования (ср.: *воть* – ст.-русск. название удмуртов, *пермь* – др.-русск. название народа коми). В др.-русск. летописях засвидетельствовано, что этнические понятия выражались обеими формами числа, не составляющими корреляции (ср.: *русь* – *руси*, *прусь* – *пруси*). Древнейший индоевропейский тип собирательных неодушевленного класса *-а был утрачен еще в раннепраславянский период. В др.-русск. языке сложились новые словообразовательные типы имен собирательных женского рода на -а (ср.: *посудь* > *посуда*). В др.-русск. языке использовались три форманта множественного числа для образования этнонимов: -ьци /-ци (ср.: *володимерьци*, *ньмци*), -ичи (ср.: *дрезовичи*, *кривичи*) и -яне (ср.: *поляне*, *моравляне*). Формы множ. числа последних соотносились с сингулятивами на -инь (ср.: *полянинь*, *моравлянинь*). Собирательность в значении форм множ. числа наименований детенышей на -я (ср.: *агня*, *козля*, *жеребя*) сохранилась в говорах (ср.: *гуся*, *теля*, *порося*). Здесь стабилизировался основообразующий согласный формант *-ent (< *-et-); получилась таким образом модель собирательных форм множ. числа среднего рода на -ят-а (ср.: *ягнята*, *козлята*, *жеребята*).

В праслав. состоянии, а затем и в других славянских языках развитие системы морфологических типов имен собирательных основывалось преимущественно на формах ед. числа; это в наибольшей мере соответствует характеру собирательных понятий. В др.-русск. языке выделяются новые формативы имен собирательных ед. числа: кроме форматива -ие (> -ье) относятся также типы на -ьникъ // -ьянкъ (ср.: *малинник*, *березняк*), -ин-а (ср.: *березина*), -ьств-о (ср.: *братство*), -от-а (ср.: *беднота*), -еж-ь (ср.: *ребятежь*), -ьб-а (ср.: *пастьба*). Если в современном русск. языке, как и в других славянских языках, собирательные понятия выражаются преимущественно именами собирательными ед. числа, то это объясняется тем, что формирование типов собирательности исторически основывалось на функционально-семантическом развитии, а иногда переосмыслении номинативных значений, выражаемых формами ед. числа.

В древней славянской письменности имена собирательные замещали отсутствовавшие или менее продуктивные грамматические формы множ. числа. Это явление отражает сложные процессы грамматикализации выражения количественных отношений. Ситуация в др.-русск. языке рассматривается в третьей главе («Функционирование имен собирательных в древнерусском языке», с. 129–159). Имена собирательные типа *братия* выражали совокупное множество лиц. Собирательная форма ед. числа постепенно переходила в форму множ. числа – *братья*. Имена собирательные ед. числа на -ие (тип *камение*), выражавшие множества неодушевленных предметов в совокупности или массе, тоже функционировали как словообразовательные средства множественности. Наряду с ними возможны были и обычные формы множ. числа – *камени*. В др.-русск. языке старшей письменной поры имена собирательные на -ие (-ье), имея силу множественности, замещали грамматические формы множ. числа. В ст.-русск. период при указании на множество предметов применялось имя собирательное, а при указании на определенное количество – форма множ. числа. В принципе можно сказать, что имена собирательные на -ье в значительной мере сохраняли архаическую функцию выразителей множественности вплоть до формирования национального русск. языка. Постепенное преобразование имен собирательных в грамматические формы множ. числа является общеславянской исторической закономерностью. Модель имен собирательных типа *братия* восходит к форме множ. числа индоевропейского субстантивированного адъектива, принятой на праслав. почве за форму женского рода ед. числа. Значение множественности покрывалось их номинативными формами ед. числа. Собирательная модель типа *камение* применялась для обозначения сплошной массы, и, чтобы предоставить эту массу предметов расчлененно, от называющих имен собирательных среднего рода образовались грамматические формы множ. числа.

В формах согласования сказуемого и определения с именами собирательными проявляется специфический характер древнейшей структуры простого предложения, отличный от его современного состояния. Основные тенденции развития структуры простого предложения др.-русск. и древних славянских языков описываются в четвертой главе («*Синтагматическая морфология имен собирательных в древнерусском языке*», с. 160–187). На основании др.-русск. и русск.-цслав. данных можно сказать, что имена собирательные, обозначавшие совокупность лиц, согласовали сказуемое, выраженное во множ. числе, т. наз. согласование по смыслу (ср.: *Проводиша князя все поповство*). Имена собирательные, обозначавшие неодушевленные предметы, принимали сказуемое в ед. числе (ср.: *Камень свято валяет ся по земли*).

Во многих территориальных диалектах русск. языка XIX–XX вв. отражаются архаические нормы согласования, однако в обновленном виде. Дело в том, что древние типы имен собирательных перешли в грамматические формы множ. числа и, таким образом, реализовали свою исконную функцию выражения множественности, а категория собирательности исторически заметно лексикализовалась. Поэтому согласование по смыслу охватывает и такие имена существительные, которые не имеют грамматических признаков имен собирательных (ср.: *Вся бригада приедут, Вся семья работали*).

Оформление атрибутивных сочетаний имен собирательных в др.-русск. языке проявлялось таким способом, что определения, выраженные согласуемым местоимением, прилагательным и действительным причастием, принимали форму ед. числа, как и имя собирательное согласовалось с ним в грамматическом роде (ср.: *Бо бяше любы в братьи тои*). Случались и нарушения этого правила (ср.: *Князь нашъ и братья наши погыбли*).

Пятая глава настоящей монографии посвящена изучению процессов, которые произошли в употреблении имен собирательных («*Диахронические процессы в функционировании имен собирательных в русском языке*», с. 186–206). Процесс становления грамматической парадигмы числа, начавшийся на праиндоевропейской основе, продолжался и в старший период развития славянских языков. Этот процесс захватил и имена собирательные, поскольку они исконно включались в парадигмы числа как выразители множественности. Преобразованию подверглись только те типы имен собирательных, которые функционировали в качестве форм множ. числа. Плюрализация затронула имена собирательные на *-ия* (ср. новообразования: *братья, мужья, друзья*) и на *-ие* (ср. новообразования: *клячья, листьа, деревьа*). Этот процесс происходил в русск. языке наиболее активно в XV–XVII вв. Таким образом формировалось новое отношение «единственное – множественное (число)» на месте первоначального «единичность – собирательность». Постепенная утрата именами собирательными их исконной функции привела к снижению продуктивности их типов, полностью вытеснила имена собирательные из системы формообразования в сферу лексики (на уровень словообразования); собирательные понятия нашли другой способ выражения – лексико-семантический. Грамматикализация древнейших типов собирательности характеризует сложный процесс формирования и развития грамматических парадигм числа.

Вслед за изложениями приводится список сокращений, употребляемых в тексте («*Сокращения*», с. 213–215), список источников («*Источники*», с. 228), словарей («*Словари*», с. 229–230), карточек и древлехранилищ («*Картотеки и древлехранилища*», с. 230), откуда автор брал иллюстративные примеры для своих изложений. Далее следует обзор лингвистической литературы, относящейся к исследуемой проблематике («*Литература*», с. 231–238). В конце книги помещено содержание («*Оглавление*», с. 239).

Собирательность исторически сыграла важную роль в формировании и развитии грамматической категории числа во всех индоевропейских языках. Этим обстоятельством определяется актуальность автором разработанной темы, рассматриваемой на историческом и сравнительном материале др.-русск. языка.

Алеш Бранднер